

► К 100-летию со дня рождения Георгия Пермякова

СУМСКАЯ АЛЛА ГЕОРГИЕВНА

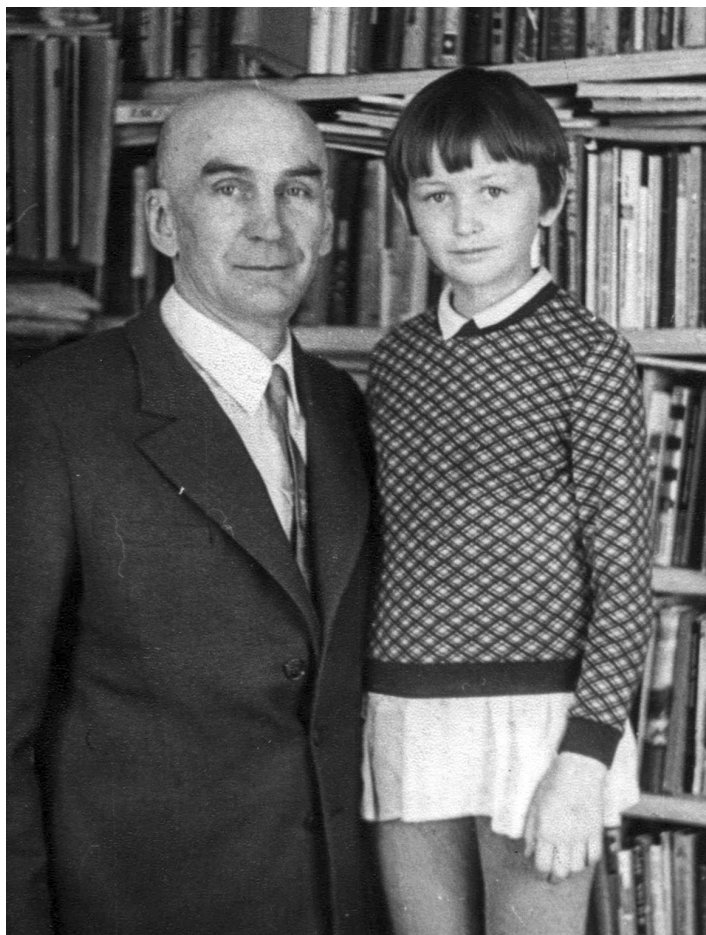
ВОСПОМИНАНИЯ ДОЧЕРИ

Настоящие воспоминания написаны единственной дочерью писателя и переводчика Георгия Георгиевича Пермякова (24.11.1917–9.12.2005) в связи со 100-летием со дня его рождения. Автор делится собственным видением отца, эпизодами из своего детства. В виде приложений впервые публикуются «Предисловие к рассказам Георгия Георгиевича Пермякова о Харбине и Тяньцзине», а также два его рассказа «Елена Прекрасная» и «Мила Лесник».

Ключевые слова: Георгий Пермяков, Хабаровск, Тяньцзин, Харбин, СССР.

Keywords: Georgy Permyakov, Khabarovsk, Tianjin, Harbin, the USSR.

Жизнь отца состояла из двух основных периодов — харбинского и советского (хабаровского). Личность Георгия Георгиевича Пермякова сформировалась именно в Харбине, в котором он проживал с 1927-го по 1945 год, выехав в СССР в возрасте 28 лет. Я была единственным и поздним ребёнком и поэтому свидетель только хабаровского периода жизни отца, а про Харбин знала лишь с его слов. Но хочется представить два разных взгляда на жизнь Георгия Пермякова. О своей «первой» жизни расскажет он сам (см. Приложение 2), а я поведаю о «второй» её половине, о том, каким я запомнила отца.

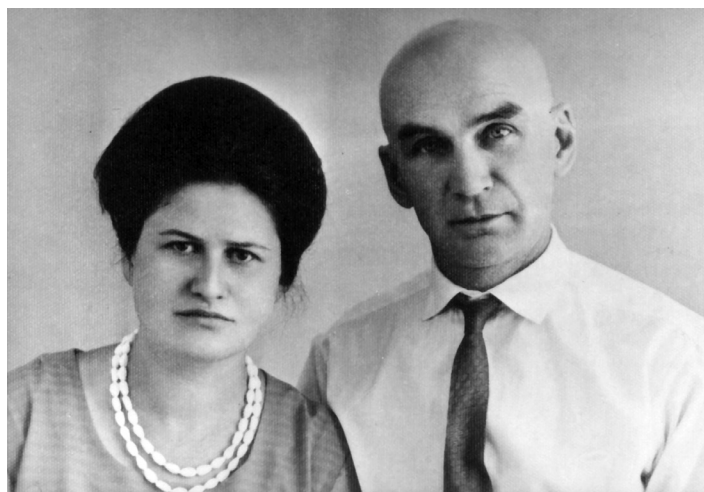

Георгий Пермяков с дочерью Аллой в своём кабинете (Хабаровск, 1971 год).

Мои воспоминания состоят из отдельных эпизодов и пока не складываются в общую картину, надеюсь, со временем из них получится яркая мозаика.

Эпизод 1. Быт семьи с 1961 года

Я родилась в 1963 году и выросла в двухкомнатной тесной «хрущёвке» почти на окраине тогдашнего Хабаровска, на Заводской. Это жильё отцу дал Г. Е. Подгаев,

Георгий Георгиевич Пермяков с супругой Анной Павловной (Хабаровск, примерно 1966–1967 годы).

председатель хабаровского горисполкома. Отец отказался от трёхкомнатной квартиры, хотя Григорий Ефимович предложил именно трёхкомнатную и сказал, что «потом жалеть будешь». Так оно и вышло. Отец выбрал квартиру себе сам — на пятом этаже и с торцевым окном на юг в маленькой комнате, заняв эту солнечную комнату под свой кабинет. Мы ютились втроём в одной комнате, я спала 20 лет на раскладушке, мама — учительница английского языка — всю жизнь жаловалась, что у неё нет своего рабочего стола. Но и это пространство постепенно заняли книги, потеснив нас. В кабинете же стен просто не было — всё, даже место под потолком и над окнами, было занято книгами и рукописями. Периодически мама вела борьбу за окна, потому что книги «поселялись» и на подоконниках.

Как-то у отца (это были 1970-е годы) был харбинец, который назвал нашу квартиру кроличьей норой и удивлялся, почему тот не сменил жильё на большее. Отец был консервативен и достаточно неприхотлив в жизни. Ему просто не хотелось переезжать, поэтому многолетние разговоры о переезде и расширении жилплощади оставались только разговорами. Так, до своей кончины отец и прожил на Заводской, более 40 лет...

В его кабинете, маленькой комнатке, едва помещался большой стол и кресло, всё остальное место занимали книги. Они жили не только на стеллажах, но и на отцовском столе, за столом и на окнах. Именно жили, потому что они были главными в нашем доме. Сначала они стояли в один ряд, потом в два, затем появился стеллаж в свободном простенке между столом и окном. Когда и этого стало мало, книги поселились на новой полке над окном, однажды даже огромный атлас мира, который наполовину висел, едва не убил меня, свалившись на спину. Постепенно книги переместились по периметру всей квартиры, заняв даже половину

и без того крохотного коридорчика. Там над головой уютно разместились письма, которые временами приходили к отцу пачками. На каждое письмо, требовавшее ответа, отец отвечал.

Наша жизнь всецело была подчинена его творчеству и ритму жизни. Он любил тишину, поэтому музыки дома почти не было, как и моих подруг, в гости к ним ходила я. Вставал отец рано — в 5–6 утра, делал гимнастику, сам себе готовил завтрак. Шёл на почту за газетами и журналами (у него был там свой ящик), потом весь день работал, с небольшим перерывом на обед и дневной сон.

Район Заводской был кварталом тогдашних новостроек. Теперь я понимаю, что люди были счастливы переселиться из ветхих частных домов и общежитий в квартиры со всеми удобствами. В каждой была печь для приготовления еды. Надо сказать, что наш дом строили, как тогда выражались, «фазаны» — в основном дети из неблагополучных семей или те, кто не хотел учиться дальше. Они оканчивали 7–8 классов средней школы, а потом их определяли в ПТУ, или, по-народному, «фазанку» (по-старому училища назывались ФЗО). Поэтому печи были сложены кое-как, дымили и коптели. Коптила и наша, её в первый же год благополучно разобрали, осталось лишь отверстие — дымоход. Для хранения дров и угля у каждой семьи был сарайчик. Большинство было вынуждено отказаться от печей, потому что носить на верхние этажи уголь и дрова тяжело и неудобно, печь дымит — словом, каждый переходил на альтернативные источники, как сейчас модно говорить. Кто-то пользовался керогазом, кто-то — примусом, у некоторых, имеющих блат, у первых появились газовые плиты с баллоном. Это была мечта всех хозяек того времени! У нас были две спиральные плитки из магазина, они без конца перегорали. Спираль надо было заменять, если убежало молоко или каша, а это случалось постоянно, всё это горело и чадило...

Семейная фотография: Георгий Пермяков с женой и дочерью (Хабаровск, 1973 год).

За домом были разбиты огородики, у каждого была одна грядка. Мама садила морковь, горох и зелень. Дальше тянулись сарайчики, которые имели общие стены с соседями, многие держали там свиней и всякий хлам. Насколько я помню, родители не были хозяйственными и им это было не нужно (сарая и кладовки в подвале у нас никогда не было). Между рядами сараев мы, детвора, дружно играли в прятки и другие игры. Самый лучший сарай был у соседа-плотника дяди Феди Шестакова, он стоял отдельно и имел две большие ступеньки — подобие крыльца. Мы любили там сидеть и, когда дядя Федя что-нибудь мастерил там, околачивались рядом, — это был намёк, чтобы нас угостили лещиной, которую сосед собирал в лесу мешками и запас которой всегда хранился в его сарае. Дядя Федя помогал нашей семье в случае необходимости отремонтировать мебель или полы.

За огородами шла прекрасная берёзовая роща, а за ней с горки вниз, уже около судостроительного завода, было два пруда, где водились ондатры и несметное количество лягушек. Вечерами они так орали, что порой было невозможно уснуть. Всё вокруг было живое — стрекотало, квакало и пело. Район был тогда окраиной, здесь было зелено, под окнами росли заботливо посаженные соседом с первого этажа дядей Борей Коняевым дикая яблоня, две черёмухи, слива, карагана, несколько кустов шиповника и чёрной смородины. Для своих кенарей дядя Боря (он всегда держал клетки с певчими птицами) сеял под окном специальную низенькую травку — сурепку.

Косить траву тогда как-то никому и в голову не приходило, и вокруг было царство полыни, лебеды, диких злаковых и крапивы. У других соседей под окнами росли цветы и сирень. Летом мы, дети, бегали босиком. Играли в игры с мячом: в лягушки, выжигалы, «роза, берёза, мак, василёк» и многие другие. В ливни пускали кораблики, которые плыли достаточно далеко вниз, к судостроительному заводу (это называлось «пускать вниз завода»), иногда сотни метров. Асфальта почти не было. Шла только узкая асфальтированная дорожка вокруг и вдоль дома для проезда машин. В межсезонье на этом пятачке асфальта мы играли в «пинушки» и «классики». Зимой заливалось два катка, где катались на коньках, играли в хоккей, а у кого не было ни того ни другого — просто протирали валенки на льду или катались с горки, которую ставили каждую зиму. Было шиком съехать с горки на ногах. Я, когда стала постарше, каталась только на ногах (съехать на досточке считалось приличным только для «малышни»). Для езды с горки надо было найти хорошую фанерку и, обдав её холодной водой, заморозить, тогда катание было с шиком, мы летели с горки с ветерком и далеко.

Но длилась эта полудеревенская жизнь не так долго, лет шесть-восемь. На пустыре началось строительство новых крупнопанельных домов, всё снесли. В одном из разорённых погребов застрял трактор, который ломал сараи, причём застрял, к нескрываемой радости соседей, намертво (его вытаскивали краном). Потом заселившееся племя, словно дикие орды татаро-монгол, уничтожило всё, что росло, были выдраны все цветы, ободраны и сломаны деревья, трава вытоптана, окрестности замусорены, голуби, гнездившиеся под крышами, съедены, лавочки расковырены и снесены. Отец неустанно вёл борьбу с этим безобразием, гонял мальчишек. За это мы поплатились — нам умудрились разбить стёкла на пятом этаже, меня травил овчаркой и отнимали мячики. Через несколько лет всё начало приходить в норму, заново высадили клумбы с цветами, посадили деревья, но прежней идиллии уже не было.

Эпизод 2

Каждое лето в жаркие дни отец водил ребятню купаться на «пески» — на Усури. Я обходила всех соседских детей, они быстро отпрашивались у родителей и бабушек, брали нехитрую снедь — варёные яйца, серый хлеб, редиску, соль в спичечном коробке, старые покрывала. Иной раз набиралось человек 15. С Заводской мы шли в сторону улицы Сурикова. При первой возможности все разувались и складывали сандалии в громадную авоську «дяди Егора», всё остальное обычно тащил тоже отец, нагружался, как ослик, и нёс через плечо два баула, связанных между собой носовым платком. На Сурикова работали земснаряды и намывали горы прекрасного жёлтого песка. Мы выбирали уютное место недалеко от воды и раскидывали табор. Отец шёл проверять дно и спуск в воду. Если его всё устраивало, мы располагались тут же; если дно было обрывистым или отец замечал там колючую проволоку, мы меняли дислокацию. Затем он доставал детский металлический совок (мой), и мы прочёсывали всю акваторию и глубоко, острыми краями вниз закапывали битые бутылки и консервные банки (их всегда было немало). Только когда территория была очищена, все вместе расстилали старенькие покрывала и бегом отправлялись купаться, отец тоже ополаскивался и внимательно следил за нами. Когда мы синели, загонял на берег, мы ели, копали и строили замки из песка, бегали, играли в мяч. В пятнашки отца никто никогда не мог поймать, скорость и реакция у него были изумительными. Когда мы окончательно выдыхались и он видел наше разочарование, то поддавался, и мы с радостью ловили его.

Молниеносная реакция отца однажды спасла мне жизнь. Песок намывался вперемешку с водой, поэтому образо-

вывались очень опасные зыбучие пески. Я попала в такую песочную ловушку и стала уходить вглубь, барахтаясь в трясине, которая меня затягивала. Отец с громадным усилием выдернул меня оттуда.

Когда мы играли на берегу, он играл с нами или читал газеты или книгу. Вечером уставшая процессия возвращалась домой, а отец всю обувь и покрывала также тащил на себе.

Эпизод 3

Если летом долго не было горячей воды, все соседи начинали жаловаться отцу. Он ехал в редакцию ТОЗ [краевая газета «Тихоокеанская звезда»], звонил оттуда большому начальству (у него откуда-то были все телефоны), говорил, что звонит корреспондент ТОЗа, что люди жалуются на длительное отсутствие горячей воды, просил помочь в этом вопросе. В ближайшую субботу давали воду на два дня, отец лично обходил всех соседей и сообщал об этом. Все дружно спускали ржавую воду, мылись и стирались, в понедельник воду опять отключали.

Вообще к отцу обращались самые разные люди — и знакомые, и незнакомые. Приходили лично и писали по самым разным поводам, он помогал всем: какую-то бабушку бил сын и отнимал пенсию, какую-то беспокоили соседи-пьяницы, кто-то выкидывал мусор и бутылки с балкона, кому-то надо было написать властям, чтобы восстановить справедливость, чьей-то дочери помочь поступить в институт и т. д. Отец отдавал этим вопросам много времени и сил, словно староста или депутат. Его знала «каждая собака» в районе. Мне это очень не нравилось, потому что я всегда была на виду и все знали, что я дочь «писателя»; нельзя было шкродничать, ведь все мои проказы тут же становились известны отцу.

Он часто писал в Москву в министерства и ведомства с просьбой навести порядок в том или ином вопросе. Так, когда не были завезены зимой лимоны, отец писал, что дальневосточникам нужны витамины. Через некоторое время лимоны были завезены.

Когда в 1970-е годы отец вычитал в иностранных газетах, что в Турции вышел прекрасный 12-серийный фильм, снятый по мотивам «Тысяча и одной ночи», про приключения Синбада-морехода, то написал в министерство с просьбой закупить эти фильмы. Несколько серий были куплены и с большим успехом прошли по всему Союзу. Таких маленьких, но очень важных добрых дел, о которых никто не знал и даже не догадывался, были тысячи, поскольку отец был очень деятелен и обладал широким кругозором. Помогал людям бесплатно и по существу.

Эпизод 4. Отношение к деньгам

У отца было очень странное отношение к деньгам. Мама говорила, что у него деньги проходят сквозь пальцы. Гонорары были мизерными. Писал он всегда добросовестно, по многу раз переписывая статьи и затрачивая массу времени. Основным добытчиком в семье до перестройки была мама. Мы жили втроём большей частью на её зарплату, за исключением редких больших гонораров, что получал отец несколько раз. И только в перестроечные времена и после основным добытчиком стал отец, когда открыл курсы японского языка. Когда я вышла замуж, то он помогал и моей семье, платил мне установленную им самим зарплату, чтобы я занималась детьми, не отдавала их в детский садик и не стремилась рано выйти на работу. Это была очень большая материальная поддержка для нас, он давал денег больше, чем зарабатывал мой муж, за что я ему благодарна до сих пор, потому что у меня была возможность развиваться дальше. В этот период времени я окончила курсы кройки и шитья, научилась вязать на машине, начала изучать японский язык в группе отца, преподавание которого впоследствии стало моей новой профессией.

Семья Г. Г. Пермякова. Слева направо — стоят зять Ю. А. Шаклеин (актёр Хабаровского театра драмы), внук Евгений Шаклеин, дочь Алла Шаклеина; сидят старший брат зятя В. А. Шаклеин (известный в России правозащитник), внучка Анна Шаклеина, жена Анна Павловна Пермякова, сам Г. Г. Пермяков (Хабаровск, 1991 год).

У отца была своя глубокая убежденность и моральная шкала в оплате его труда, основанная на глубоком внутреннем чувстве справедливости. Он называл себя «бессеребренником», легко расставался с деньгами, легко давал в долг и прощал долги. Странность заключалась в том, что, когда он работал с издательствами, газетами, иностранным телевидением и прочими подобными организациями, то у него было своё понятие о гонораре. Если

Георгий Пермяков с дочерью Аллой (Хабаровск, 1991 год).

гонорар был выше той суммы, на которую он рассчитывал, то он от него полностью отказывался. Это было не раз или два, а частенько. Так было с японцами, когда приехали представители газеты «Асахи-симбун». За интервью ему заплатили 300 долларов (для справки: однокомнатная квартира в центре Хабаровска тогда стоила 4 500 долларов). Отец отказался, потому что ему показалось, что его подкупают. Он не доверял японцам и был очень осторожен с ними, не подписал ни одного их документа. По этой же причине он не подписал контракт на издание своей книги «Жёлтый меч» в Японии (при подписании контракта ему сразу выплатили бы гонорар в размере 500 долларов). Он написал в письме своей давней знакомой, что «это слишком жирно». В то же примерно время ему предложили издать книгу с этим же материалом в Москве, он также отказался, так как посчитал, что там платят слишком мало. Он писал в письме, что «даром» работать не будет. В 1960-х годах, когда был подписан договор на издание его книги (книга уже была полностью готова и отредактирована, но был сокращён тираж по независящим от издательства обстоятельствам; люди постарше помнят, что в стране была «напряжёнка» то с бумагой, то ещё с чем-нибудь), отец отказался от гонорара в 4 000 рублей, это при средней зарплате по стране в 120 рублей в месяц. Мы жили очень скромно, если не сказать бедно. Для бюджета семьи это были бы громадные деньги.

Кроме того, отец много лет помогал семье Арсеньева, особенно он поддерживал в последние годы её жизни Веру Яковлевну Арсеньеву, вдову младшего брата Арсеньева, Александра Клавдиевича. Её пенсия была 16 рублей 38 копеек, на селе было невозможно прожить на эти деньги, родственники не помогали, хотя, я думаю, вполне могли бы. Её письма к отцу — это крик души о помощи. Он отдавал Вере Яковлевне не только все гонорары, связанные с публикациями об Арсеньеве, но периодически и свои личные средства, присылал лекарства.

Эпизод 5. Отношение к опозданиям

Отец не любил опаздывать и не любил людей, которые опаздывают, считая это большим неуважением к человеку — заставлять себя ждать. Часто с гордостью говорил, что никогда в жизни никуда не опоздал. На лекции и занятия приходил за час-полтора. Если кто-то из учеников опаздывал несколько раз подряд, то он просто выгонял такого.

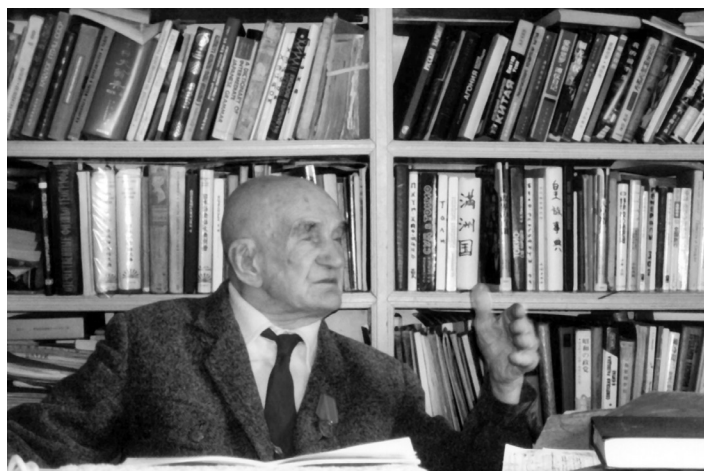
Эпизод 6. Арсеньев

Отец был восхищён Арсеньевым, его талантом писателя, учёного и труженика. Он прекрасно понимал, что книги Арсеньева, которые читала вся Россия, были призывом для молодёжи ехать на Дальний Восток, осваивать этот дикий и малоизученный край. Из этой среды в будущем вышло много учёных и путешественников.

У него с Арсеньевым было очень много общего — энергичность, тяга к знаниям, ко всему новому и неизведанному, писательский талант, оба были патриотами Родины и Дальнего Востока. Именно отец разыскал ближайших родственников В. К. Арсеньева — его первую жену Анну Константиновну, сына Волю, младшего брата — дядю Шуру (ездил к нему в командировку в Сибирь и два месяца записывал его воспоминания) и десятки других. Кроме того, он просил тех людей, которые присутствовали на лекциях Владимира Клавдиевича, написать воспоминания. Это было сделано вовремя — в 1950–1960-е годы, ибо в большинстве своём они были уже очень пожилыми людьми. Было потрачено много сил, месяцев тяжкого труда. Собрался объёмный материал в тысячи машинописных листов. В результате была написана книга «Тропой женьшеня».

Эпизод 7

Отец не был востребован полностью, это наполняло его жизнь большой горечью. Как-то сказал старую поговорку: «Служил сто лет, выслужил сто реп». С другой стороны, он был по развитию на голову выше окружавших его людей. Я сейчас понимаю, что его сознание и развитие опережали на одно-два поколения, то есть на 30–50 лет. Он знал, что вместе с людьми уходит целая эпоха, свидетелями которой они являлись. Это все известные дальневосточники — участники Гражданской войны, первокомсомольцы, создатели советской милиции, военные, писатели, поэты, врачи

Г. Г. Пермяков в своём рабочем кабинете во время интервью с японскими журналистами (Хабаровск, примерно 2003 год). Последние пять лет жизни он писал воспоминания о своём участии в ряде исторических событий. Пермяков был переводчиком Хабаровского бактериологического процесса, Семёновского процесса, активно содействовал их подготовке. Он участвовал в Международном военном трибунале в Токио; с 1945-го по 1950 год работал в лагере для высокопоставленных военнопленных в Хабаровске «Спецобъект № 20-45» и там же был личным переводчиком и учителем последнего китайского императора Айсингёро Пуи.

и учёные. Отцом был создан уникальный архив, который требует своего исследования и в наши дни.

Отец был моралистом и прирождённым учителем. Он был непримирим к пьянству, лени и другим порокам. У него было своё внутреннее ощущение предназначения, он всегда подтягивал окружающих до себя, не уступая никому ни в чём, что раздражало подавляющее большинство.

Казалось, что это человек «не от мира сего» и «с приветом». Отсюда и смех за спиной, и осуждение, и многое другое. Но те, кто понимал его (в основном ученики и люди-самородки, которые стремились к саморазвитию), добились очень многого в жизни. Он общался выборочно, надо было заслужить его уважение и желание общаться, тогда открывался совершенно другой человек, без маски, очень добрый, гостеприимный и готовый отдать всё.

Он любил общаться с самородками — учёными, врачами, всеми людьми, у которых горели глаза и была жажда познания, пусть это были самые простые и малообразованные люди.

Высоко ценил личную порядочность и сам был глубоко порядочным человеком. Никогда не взял ничего, что «плохо лежит». В 1990-е годы в трамвае было время без кондукторов, стояли билетные кассы и компостеры. Он платил за проезд всегда, чуть ли не единственный в транспорте.

Предисловие к рассказам Георгия Георгиевича Пермякова о Харбине и Тяньцзине

Мой отец Георгий Георгиевич Пермяков был из интеллигентной семьи, дворянин по материнской линии. Среди дворян и интеллигенции того времени было принято вести дневники.

Не было исключением и мой отец и тоже с детства вёл дневник. Эта привычка осталась у него на всю жизнь. В семейном архиве сохранилась масса записных книжек и дневников. Прочсть их полностью почти невозможно, так как отец делал записи на трёх языках — русском, японском, китайском, да ещё скорописью — одновременно с использованием стенографии. Читательны только отдельные эпизоды, написанные по-русски.

Г. Г. Пермяков — начальник отдела переводов Генерального консульства СССР в г. Харбине (Харбин, 1943 год).

в 61 год. Она прожила в семье дочери до самой смерти в 98 лет.

Отец автора — Георгий Никитович Пермяков, 1867 года рождения, аптекарь и парфюмер, большой любитель музыки, хорошо играл на гитаре. Он был и поэтом, неоднократно печатавшимся, масоном, дружил со многими известными людьми: маршалом Блюхером, губернатором Гондатти, бывал в гостях у деда Николай Рерих с сыном.

Мать Прасковья Трофимовна Пермякова (урождённая Трофимова), 1892 года рождения, была прекрасной хозяйкой, великолепно готовила, шила, вязала, знала четыре языка, обладала абсолютным слухом — пела, играла на мандолине.

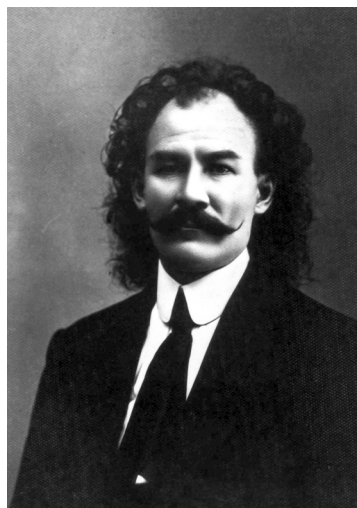
Младшая сестра моего отца Сусанна — прекрасная

Эти юношеские дневники и легли в основу воспоминаний о самых счастливых годах его жизни, написанных примерно в возрасте 60 лет в 1970-х — 1980-х годах, частично по памяти. Память отец имел феноменальную, помнил мельчайшие подробности много лет. Все фамилии он сохранил. Семья отца того времени состояла из пяти человек.

Бабушка со стороны его матери — Матрона Михайловна Трофимова — родила 12 детей, самую младшую — мать автора —

Семья Пермяковых. Слева направо: младшая сестра Сусанна Пермякова, отец Георгий Пермяков, мать Прасковья Пермякова, Георгий Пермяков (Харбин, примерно 1939–1940 годы).

Отец Георгия Георгиевича Пермякова — Георгий Никитович Пермяков (Тяньцзинь, 1920-е годы).

пианистка, занималась спортом, балетом и танцами, позже, по возвращении в Союз, стала чемпионкой Хабаровского края по фигурному катанию. Долгое время проработала директором вечерней музыкальной школы города Сочи, подготовила многих одарённых учеников к поступлению в консерваторию.

Прасковья Трофимовна огромное внимание уделяла тому, чтобы дети росли здоровыми и закалёнными. Отец получил, без преувеличения, спартанское воспитание, был

очень здоров и силен, жизненная энергия рвалась из него наружу постоянно, много сил уходило на её сдерживание, помогал в этом спорт. С детства он спал на свежем воздухе, даже в мороз до –18 градусов. Питался простой пищей, имел превосходное пищеварение. Отец отличался железной волей и любознательностью, с ранних лет хотел стать писателем, поэтому ему были интересны все стороны жизни и быта людей, он, так сказать, везде совал свой нос. Мать была очень верующим человеком, христианские традиции

и воспитание сыграли большую роль в становлении личности писателя и переводчика. Всё это вместе породило уникальную личность, во многом противоречивую.

Детство в жизни каждого человека оставляет яркий след. Одним из замечательных воспоминаний писателя

являются его рассказы о детстве и юности, проведённых в Тяньцзине и Харбине. Представляем два не опубликованных ранее рассказа из архива Георгия Георгиевича Пермякова.

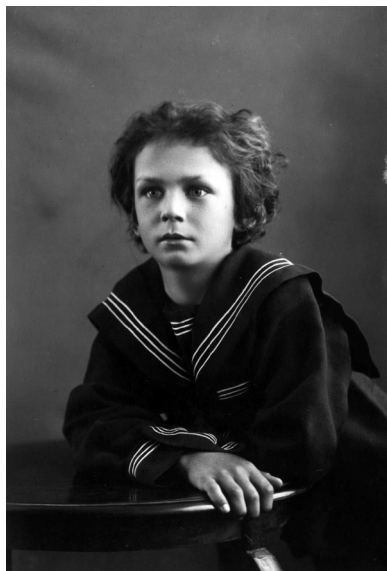
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Рассказы Г. Г. Пермякова

ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ

В 1921 году наша семья приехала в Тяньцзин, что в 7 милях от Пекина.

Тяньцзин — город-порт, плоский, как поднос, тогда был разделён на 6 концессий: английскую, французскую, итальянскую, бельгийскую (бывшую германскую), русскую и японскую. Там мы жили на итальянской, а потом и на русской концессии, как советские подданные. Русских в городе было мало, повсюду звучала иностранная речь.

Г. Г. Пермяков (Тяньцзин, примерно 1924–1925 годы). Семья жила на итальянской концессии. Костюм с матроской сшила мать Прасковья Трофимовна.

Каждая концессия была маленькой отдельной страной со своей архитектурой, правилами и законами. Отца взяли управляющим и главным технологом на фабрику мыла и духов на итальянскую концессию, что находилась на берегу реки Байхэ, по которой быстро бежала грязная вода, полная трупов людей, свиней, брёвен и щепок, заполненная судами от крейсеров до джонок и шаланд. Мы её называли каналом, купаться там нам запрещали из-за грязной воды, поэтому мы купались в лужах — пресных и солёных. На реке была верёвочная переправа, по Байхэ ходили суда и военные корабли. Жили мы в двухэтажном доме из красного кирпича при фабрике, мы с младшей сестрой катались по квартире на трёхколёсном велосипеде. Я просил двухколёсный велосипед, но отец поставил мне условие — выучить «Конька-горбунка» Ершова наизусть. Я не выучил и велосипед так и не получил.

Тяньцзин был городом с тёплым климатом, тихими и мирными китайцами, любящими детей. Я свободно гулял по городу со своим другом Николаем Снарским. Всё лето я

бежал босиком в белых трусах и белой панаме, мама давала мне 20 центов карманных денег, надевая на меня панаму, каждый раз говоря: «Голова — не тыква, шляпу просит». Благодаря её заботе я ничем никогда не болел, кроме кори в 10 лет. Я много общался с китайскими сверстниками, поэтому рано научился говорить по-китайски, они меня называли «шао-ё». Всё лето в городе до осени пели цикады (когда уже был взрослым, в Токио на МВТ [Международный военный трибунал] их пение возвращало меня в моё босоное беззаботное детство).

В Тяньцзине, до переезда семьи в Харбин в 1927 году, я жил как Робинзон Крузо, как дикарь и анахорет. Население было всё китайцы и англичане, которые не жаловали русских, ссорились и ругали нас на весь мир, унижая русское имя.

Поэтому, когда театр объявил о выступлении лилипутов, вся наша семья — отец, мать, сёстры — заволновались.

В то время я уже хорошо читал и знал таблицу умножения. С 6 лет я стал читать американские газеты, дело в том, что их использовали в магазинах вместо упаковки. Дома товар распаковывали, и газеты доставались мне, они были цветными, особо мне нравились комиксы.

Я знал много сказок и особенно был очарован образом Елены Прекрасной. Дети всегда любят тех, кто похож на их мать. Моя мать была красива, как говорили все: профиль, густые волосы — коса тёмной блондинки, серые глаза, яркие губы, фигура, бюст, кротость нрава и шарм. Елена Прекрасная и мать, подсознательно слившись в моей голове, родили у меня, крошки, идеал женщины.

Я был поражён, когда увидел на сцене театра лилипутку-красавицу — живое воплощение Елены Прекрасной. Она прекрасно пела по-английски, танцевала плавные танцы, была в кисее, но главное — у неё была роскошная белокурая коса почти до крестца. И я влюбился в неё. Придя домой, я только и говорил, что о Елене Прекрасной, звал всех пойти посмотреть на неё ещё. Я не понимал тогда, что лилипут — большой человек. Я говорил, что буду с ней дружить до смерти, буду её пажом, никогда её не покину, поеду за ней всюду, что её красота божественна. Всё это, конечно, детскими словами. Чем больше я восхищался красавицей, тем больше на меня странно смотрели старшие. Никто не

хотел идти на лилипутов ещё раз. Наоборот, все говорили о них со скукой, это меня задевало.

Уже с крохотных лет я много ходил и бегал, порой совершая километровые вояжи. И я ушёл к своей возлюбленной. Кое-как я пешком добрался до театра, который был очень далеко. Тайком пробрался в него, т. к. оставалось часа два до начала выступлений. Проник за кулисы и после поисков нашёл уборную моей возлюбленной. Маленькому юркому мальчику много не надо, чтобы найти тайную точку обозрения. Я взобрался на какие-то ящики или театральную лестницу, нашёл окошечко, проделал там глазок и стал смотреть за Боготворимой, она как раз примеряла костюмы. У меня пересохло в горле, волнение охватило меня. Богиня была уже в другом платье, но тоже в роскошном, в жемчугах, серебре, парче, атласе — точь-в-точь как пишется в сказках.

Пришла помощница — крупная рослая женщина — помочь ей переодеться. И тут я увидел все тайны моей Елены Прекрасной, когда она стала снимать с себя бутафорию, чтобы отдохнуть перед выходом на сцену. Я был раздавлен. Чудесная коса оказалась фальшивой, волосы же самой Богини были коротки и некрасивы, бюст и ресницы были накладными, румянец на лице оказался гримом. Была она кособока и некрасива, как ощипанная курица. Я увидел простую, некрасивую, больную лилипутку, сухую, вылинявшую и зелёную.

Я был так разочарован, что едва не упал со своей тайной вышки. Домой я шёл подавленный и умудрённый первым жизненным опытом. Дома я всё рассказал и с наслаждением выслушал рассказ старших о том, что дорогие камения на платьях артисток — стекло и подделки; что атлас и парча на их плечах — тоже дешёвые сорта шелков, усыпанных мишурой. Тогда я узнал целый набор иностранных слов, означающих подделку, фальшь, ложь, пусканье пыли в глаза: бижутерия, стекляшки, канитель, мишура, галуны, конфетти и т. д.

Долгое время я, читая вновь сказки о Елене Прекрасной, вспоминал свою любовь, и едкая горечь почему-то заливала мне лёгкие. Даже сейчас я не могу забыть Сказочную Красавицу, так околдовавшую меня при первой встрече и так убившую при второй.

МИЛА ЛЕСНИК

С 1921 по 1927 год наша семья жила в Тяньцзине. Последние два-три года мы жили на русской концессии этого большого города. Тут было тихо, широкие улицы, каменные дома, много деревьев, прекрасный большой парк, в центре которого стояла русская церковь на каменном оранжево-розовом фундаменте. Лес из шелковицы в парке усыпал

землю чёрно-красными сладкими ягодами, порхали удивительные дельтовидные бабочки, бурые снаружи и яркие, бело-красные изнутри. Помню тепло, обилие фруктов, которые я ел тогда тоннами. Помню романтическое советское консульство близ нашего дома с алым шёлковым флагом на стальном флагштоке, его обомшелые стены, интересное кино и лекции по воскресеньям (вместо церкви, в которую все тогда ходили), портрет Ленина и классиков, огромную иву в консульстве, на которую меня тянуло влезть, но это мне запрещал отец.

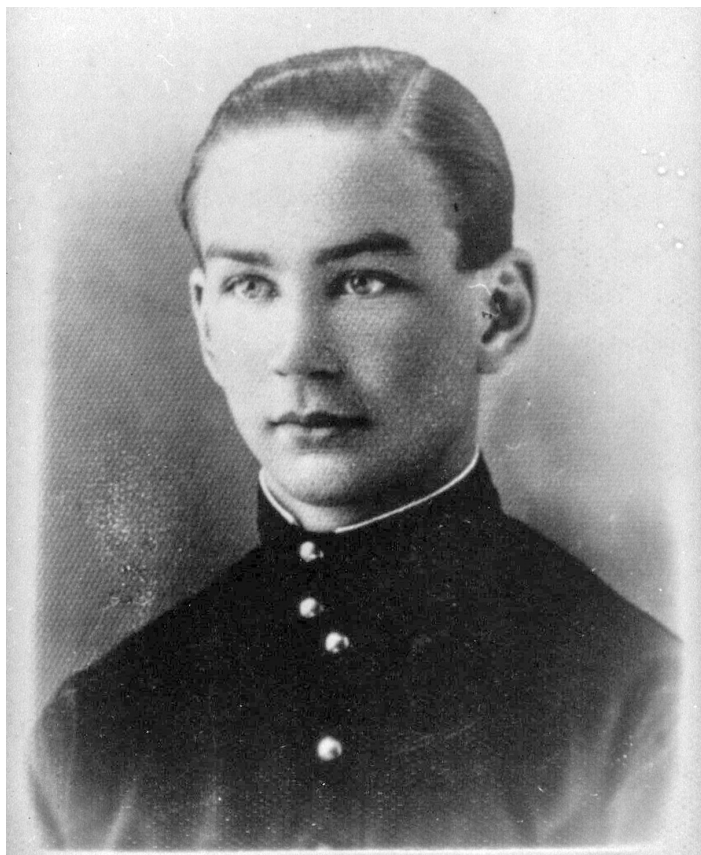

Георгий Пермяков — гимназист Реальной гимназии имени Достоевского (Харбин, 1928 год).

После нашего поспешного отъезда из Тяньцзина в Харбин жить мне стало ещё приятнее: много русских мальчиков и девочек, русская речь, правда, другая одежда, зимняя и летняя. Отец снял крохотную квартиру из четырёх комнат (на итальянской концессии у нас был дом в 12 комнат, мы с сестрой ездили по дому на трёхколёсном велосипеде), и мы впятером — бабушка, отец, мать, сестра и я — стали ютиться в них. У меня не было даже своей комнаты.

Хозяин был кореец Пак. Он взял себе в жёны овдовевшую русскую с двумя дочерьми Милой и Зиной. Зине было лет 15–16, она была серьёзной и некрасивой, а Мила Лесник была и красивой, и душой общества, лет 13. И я, 10-летний мальчишка, стал поклоняться Миле, т. к. до сей поры видел белых девочек только издали, в Тяньцзине они все были англичанки, французженки или немки, и контакта у меня с ними не выходило. А тут мы часто встречались с Милой, играли с сестрой Саной, Зиной и Милой в прятки, жмурки, пятнашки. Было весело, я стал поклонником Милы. Она заставляла меня вытворять всякие шутки. Спрячет меня в яму для заборного столба и накроет простыней. Кто-то идёт, она свистнет, и я встаю во весь рост. Получается, встаёт вурдалак из могилы. Люди пугались и убегали, нам было смешно. Как-то вечером прохожий с испуга огрел меня палкой по голове за такую шутку.

Если был дождь, Мила приходила к нам или звала к себе меня и, посадив в коридоре, начинала мучить. Она была сильнее меня. Дразнила меня своими светлыми волосами, водила кончиком носа по кончику моего носа,

Фотография из аттестата зрелости Георгия Пермякова, выпускника гимназии им. М. А. Оксаковской, которую он окончил с отличием (Харбин, 1933 год).

волнует меня, щекотала меня, дразнила прикосновениями, а потом убегала. Иногда она начинала мечтать: мы с ней

вдвоём живём в богатом замке, у нас масса слуг, мы любим друг друга до гроба, у нас много друзей, мы оба сказочно прекрасны. У Милы был дар фантазии, она рассказывала очень интересные истории про замки, про привидения, про сыщиков, про подземные путешествия. Все мы, включая и её сестру, которая имела скептический склад ума, слушали её, замирая от страха.

Иногда, раздразнив меня, Мила исчезала и пряталась на несколько дней, заставляя томиться от разлуки.

Потом она переехала и стала жить в другом доме, где был большой загадочный подвал. Она приходила оттуда и рассказывала нам страшные истории о её новом доме. И опять все мы зачарованно её слушали. Зажжённый в блюде спирит, куда насыпали соли, горел зелёным огнём, и все мы походили на мертвецов, отчего становилось ещё страшнее.

Шли годы, а я оставался её поклонником. Она уже не дразнила, но всегда, встречая меня, смотрела в глаза умным испытующим взглядом, узнавая сама, её ли я собственность или нет. Все в её семье были гражданами СССР. Потом Мила стала барышней, довольно простой и, как мне казалось, не совсем интеллигентной; лицо её стало грубоватым, не тем, каким было в детстве. Она стала стесняться меня. Зина же расцвела. Они обе говорили об отъезде в СССР. У нас дома все их поощряли.

В 1935 года семья Лесников, но без мужа-корейца, уехала в СССР. Я знаю, что в нашей стране появилась девушка, чей дар фантазии передастся её детям, быть может, они в чём-то себя проявят.

*Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 08.09.2017 г.*

*Сведения об авторе: Сумская Алла Георгиевна, дочь Пермякова Георгия Георгиевича, преподаватель японского языка школы иностранных языков ELC (г. Хабаровск).
Контактные данные: sharovatova1905@yandex.ru.*